

Къ вопросу объ отношеніи нравственности къ политикѣ.

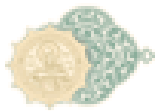
(Нравственныя нормы жизни и международныя отношенія).

(Речь, произнесенная на годовичномъ актѣ Киевской Духовной Академіи 26 сентября 1905 года).

Уже болѣе года вся Россія живетъ политическими интересами. Тяжелая война на Востокѣ, закончившаяся такъ печально; энергичныя стремленія къ преобразованію внутренняго государственнаго строя, всевозможныя попытки принять непосредственное участіе въ ходѣ современной исторической жизни—вогъ то, что представляется теперь самымъ характернымъ въ жизни русскаго общества, что прежде всего бросается въ глаза даже поверхностному постороннему наблюдателю на западѣ Европы и что всецѣло господствуетъ надъ нами и нашими личными интересами. Было время, когда, по слову великаго учителя Церкви, всѣ сдѣлались богословами, когда о Лицахъ Св. Троицы разсуждали всѣ и всюду, даже на торжищахъ и площадяхъ. Современную намъ мыслью и чувствами владѣетъ политика. Даже и при ясномъ сознаніи своей неподготовленности къ рѣшенію сложныхъ задачъ государственнаго устройства, къ сужденію о правильности или неправильности приемовъ въ веденіи войны, успѣшности или неудачѣ дипломатическихъ переговоровъ и т. д., мы не можемъ отрѣшиться отъ обсужденія этихъ и подобныхъ вопросовъ, не можемъ не волноваться при такомъ или иномъ ихъ разрѣшеніи, не страдать или не радоваться при томъ или другомъ исходѣ предпринятыхъ начинаній. У

Труды Киевск. дух. Акад. Т. III. 1905 г.

не можетъ быть ничего болѣе естественнаго, какъ этотъ живой интересъ къ событіямъ политической жизни, и вмѣстѣ съ тѣмъ не можетъ быть ничего плодотворнѣе этого интереса, такъ какъ только онъ можетъ служить надежнымъ залогомъ самой возможности совмѣстной и дружной работы на пользу отечества. Но событія быстро слѣдуютъ одно за другимъ, сужденія о нихъ безконечно разнообразны, какъ безконечно различны и возбуждаемыя ими чувства. И чтобы интересъ къ происходящему не оставался лишь празднымъ любопытствомъ, а стремленіе такъ или иначе отозваться на событія жизни не принесло вмѣсто пользы вреда, для этого необходимо быть въ состояніи сознательно отнестись ко всему совершающемуся, необходимо умѣнье разобраться во множествѣ частнаго и второстепеннаго и умѣние отбрасывать событія съ высшей точки зрѣнія. За множествомъ событий и разнообразіемъ порождаемыхъ ими сужденій и чувствованій должны быть, говоря иначе, основныя и по существу неизмѣнныя начала, могущія служить исходнымъ пунктомъ при серьезной оцѣнкѣ наличной дѣйствительности. Эти начала остаются обыкновенно въ сторонѣ, какъ бы въ тѣни, въ періодъ наибольшаго увлеченія и подавляющаго интереса къ постоянно смѣняющимся событіямъ текущей дѣйствительности, но между тѣмъ уясненіе этихъ началъ имѣетъ самое существенное значеніе при опредѣленіи нашего личнаго отношенія къ происходящему въ жизни и для его безпристрастной оцѣнки, чуждой крайностей и увлеченій, которыя такъ естественны при непосредственномъ переживаніи и участіи въ событіяхъ политической жизни. Конечно, эти, опредѣляющія наши отношенія къ политикѣ, начала могутъ быть различны: она могутъ быть истинными и ложными, болѣе и менѣе общими и т. д., въ зависимости отъ точки зрѣнія, съ какой смотрѣть на жизнь государства. Для насъ съ этой каѳедры естественнѣе всего посморгѣть на государственную жизнь съ нравственной точки зрѣнія и съ этой послѣдней

попытаться указать такое руководящее начало для оцѣнки происходящаго, которое могло бы имѣть универсальное значеніе, съ исключеніемъ всего ложнаго и съ подчиненіемъ единому общему всего частнаго и случайнаго. Вопросъ только въ томъ, приложима ли въ данномъ случаѣ къ явленіямъ государственной жизни нравственная точка зрѣнія, имѣютъ ли нравственные нормы, опредѣляющія собою нашу личную жизнь и личные отношенія, такое же абсолютное значеніе и въ области государственныхъ отношеній? Если да, если идея добра имѣетъ универсальное значеніе, то мы, безспорно, въ нравственныхъ нормахъ жизни, въ сознаніи, иначе, долга найдемъ высшій критерій для сознательнаго отношенія и оцѣнки событій государственной жизни; если нѣтъ, то нужно искать другого руководителя на пути сложныхъ и запутанныхъ политическихъ отношеній. И мы позволимъ себѣ предложить вашему благосклонному вниманію посильную попытку рѣшить поставленный вопросъ, при чемъ рѣчь свою ограничимъ областію международныхъ отношеній, какъ такихъ, которыя всегда вызывали сомнѣнія въ приложимости къ нимъ абсолютныхъ нравственныхъ требованій. Мы надѣемся, что подобная попытка будетъ по существу въ равной мѣрѣ отвѣчать и современнымъ общеполитическимъ интересамъ и интересамъ самой нашей богословской науки, имѣющей конечною цѣлью служеніе дѣлу проведенію въ сознаніе общества христіанскихъ началъ и христіанскаго пониманія жизни.

Вопросъ, избранный нами, не новый и тѣмъ болѣе не впервые измышленный. Этотъ вопросъ поставленъ исторіей съ древнѣйшихъ временъ и получилъ въ ней, говоря вообще, такое своеобразное разрѣшеніе, которое не можетъ не поражать каждаго наблюдателя прошедшихъ судебъ жизни человѣчества. Въ самомъ дѣлѣ, какъ ни разнообразны взгляды на сущность и происхожденіе нашей нравственной жизни, современный культурный міръ признаетъ нравственнымъ или

добромъ все то, что принадлежитъ области безкорыстнаго служенія ближнимъ: самоотреченіе, уваженіе къ человѣческому достоинству другого, сострадательность, честность, вообще все то, что чуждо узко-эгоистическихъ интересовъ и расчетовъ и обнимается понятіемъ долга. Мы можемъ и сами совершать и постоянно видимъ въ лицѣ другихъ нарушение этого долгаго, но рѣдко кто рѣшится назвать добромъ это нарушение, назвать, напримѣръ, добромъ грубый эгоизмъ, жестокость, угнетеніе слабаго, обманъ, несправедливость и т. д. Того, кто не можетъ отличать нравственно добраго отъ злого, мы необходимо признаемъ или глубоко испорченнымъ, или же душевно больнымъ человекомъ.

Но вотъ предъ нами раскрыта великая книга исторіи. Въ ней мы находимъ много истинно добраго и прекраснаго: подвиги самоотверженнаго служенія человѣчеству, недостижимую высоту личной святости и чистоты жизни, безкорыстное служеніе идеямъ правды и добра, не смотря на гоненія и страданія. Но въ этой же великой книгѣ, какъ много въ ней тяжелыхъ страницъ, залитыхъ людскою кровію, какъ много въ ней памятниковъ величайшихъ преступленій, совершенныхъ людьми, безконечный рядъ картинъ убійствъ, угнетенія и униженія слабаго, вѣроломства, всякаго вида насилія и грѣха! Но не эта смутанность добраго и злого въ исторіи поражаетъ наше вниманіе: то же видимъ мы и въ личной жизни и прежде всего въ своей собственной. И здѣсь, на ряду съ добрыми стремленіями и чувствами, выступаетъ наружу такъ много злого и нечистаго, что едва-ли кто избѣжалъ въ своей жизни мучительнаго разлада отъ сознанія внутренняго раздвоенія своего „я“. Не этотъ разладъ, не эта двойственность картинъ исторіи, даже не самое господство въ ней злого надъ добрымъ поражаетъ насъ, но то отношеніе къ этому злему, какое всюду встрѣчаемъ мы въ оцѣнкѣ историческихъ событій и явленій и какому невольно поддаемся сами. Припомните имена тѣхъ великихъ

людей древняго и новаго міра, дѣянія которыхъ описываетъ исторія, которыя мы заучивали въ дѣтствѣ и которыми призывались восторгаться и преклоняться предъ ними. Припомните нѣсколько такихъ именъ великихъ государей, полководцевъ, государственныхъ дѣятелей и вы увидите, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ величію ихъ могущества и вліянія на судьбы исторіи соотвѣтствовало полное пренебреженіе съ ихъ стороны правилами такъ называемой личной нравственности. Мы восхищаемся героизмомъ полководцевъ, но этотъ героизмъ неразрывно связывается съ полнымъ неуваженіемъ къ человѣческой жизни; мы ослѣплены славою великихъ императоровъ, но нерѣдко путь къ этой славѣ орошенъ потомъ и кровью ближняго, а престолъ славы утверждается на грудяхъ труповъ и развалинахъ благосостоянія цѣлыхъ народовъ; мы преклоняемся предъ умомъ великихъ государственныхъ дѣятелей, но не можемъ закрывать глаза на то, что этотъ государственный умъ проявлялся едва-ли не главнымъ образомъ въ томъ, что умѣлъ скрыть свои планы, ввести въ заблужденіе противника: въ одномъ случаѣ прикрыться маской лицемерія; въ другомъ—прибѣгнуть къ клеветѣ для устраненія съ своего пути врага; въ третьемъ—нарушить клятву ради достиженія опредѣленной цѣли и т. п. Не иное что видимъ мы и въ характеристикѣ цѣлыхъ эпохъ въ жизни народовъ. Наиболѣе блестящими эпохами въ этой жизни признаются тѣ, когда народъ расширялъ границы своего государства и достигать высшей степени военнаго могущества и богатства, что, въ свою очередь, неизбѣжно связывалось съ подавленіемъ или уничтоженіемъ болѣе слабыхъ народностей и государствъ и съ недобросовѣстной эксплоатаціей ихъ труда.

Что же это за странное явленіе? Почему глава и руководитель жизни народовъ не только не осуждается, но восхваляется за такія дѣянія, которыя заклеили бы каждого частнаго человѣка именемъ убійцы, тирана, лжеца и клевет-

ника? Почему и въ жизни цѣлыхъ государствъ и народовъ честная политика восхваляется большею частію только врагами народа, а наиболѣе плодотворной для государства признается политика, основанная на умѣломъ достиженіи своекорыстныхъ цѣлей, хотя бы то и безнравственными средствами?

Исторія, которая поставила предъ нами этотъ вопросъ, сама же и отвѣчаетъ на него. Она свидѣтельствуетъ, что государь, полководецъ и государственный дѣятель потому и настолько велики, насколько ихъ дѣятельность служила къ возвышенію могущества и благосостоянія ихъ государства, независимо отъ тѣхъ средствъ, какими достигались эти, благопріятные для государственной жизни, результаты. Исторія свидѣтельствуетъ, что путь лжи и насилія, путь безжалостнаго угнетенія слабого и обмана сильнаго скоро и вѣрно вель къ возвышенію государственнаго могущества. Все это было настолько очевидно, что съ древнѣйшихъ временъ мы встрѣчаемъ ясно выраженный и послѣдовательно проводимый въ жизнь принципъ раздѣленія личной и государственной нравственности, когда послѣдняя опредѣлялась не понятіемъ нравственно добраго, руководившаго частною жизнію отдѣльныхъ лицъ, но понятіемъ блага государства или народа. Самый бѣглый взглядъ въ глубь вѣковъ подтверждаетъ это.

Мы сказали уже, что добромъ въ личной жизни признается готовность пожертвовать своими интересами ради блага ближнихъ, готовность нести на служеніе ближнимъ свой трудъ, готовность помочь имъ въ нуждѣ, утѣшить въ скорби, поддержать и защитить. Добро здѣсь, такимъ образомъ, жертва дѣятельнаго служенія благу другого; зло — служеніе своему эгоизму. Совершенно иное мы видимъ въ области международныхъ отношеній: здѣсь забота о выгодномъ для своего народа и государства признается един-

ственнымъ добрымъ дѣломъ, оправдывающимъ безусловно всякія средства и приемы для осуществленія этого добраго.

Если мы попытаемся охарактеризовать международныя отношенія въ до христіанскомъ историческомъ мірѣ, то въ жизни этого міра, безспорно, на самое видное мѣсто выступаетъ фактъ совершеннаго разъединенія интересовъ своего народа и государства съ интересами другихъ народовъ и другихъ государствъ. И это не было чѣмъ-либо случайнымъ въ исторіи до-христіанскаго человѣчества, но необходимымъ слѣдствіемъ всего древне-языческаго міросозерпанія. Едва ли не каждый народъ древности считалъ себя одного избранникомъ Божества, а на другіе народы и государства смотрѣлъ съ презрѣніемъ или ненавистію. Задача международныхъ отношеній въ этомъ случаѣ необходимо должна была покониться на грубомъ эгоизмѣ: каждое государство не могло не стремиться къ тому, чтобы заботиться только о сохраненіи своей самобытности и развитіи собственнаго могущества. Отсюда въ отношеніяхъ древнѣйшихъ народовъ мы и видимъ довольно яркое выраженіе идеи разобщенности государственныхъ интересовъ. Если и могло быть желательнымъ нарушить эту разобщенность въ жизни извѣстныхъ народовъ, то единственно только съ цѣлію подчинить себѣ извѣстный народъ или государство, заставить его служить интересамъ своей родины. Очевидно, что при такомъ взглядѣ на дѣло, рѣшающее значеніе могло имѣть только господство вѣтшей силы. Государства живутъ замкнуто и разобщенно до извѣстной поры, а затѣмъ, при столкновеніи ихъ интересовъ, неизбежно возникаетъ борьба и побѣждаетъ сильнѣйшій. „Горе побѣжденнымъ“ и „сила даетъ право“—это руководящія принципы древнихъ международныхъ отношеній. Здѣсь даже не могло быть и рѣчи о столкновеніи между политическими интересами и требованіями нравственнаго долга. Послѣдній требовалъ того же, такъ какъ каждый другой народъ и государство считались врагами отечества, а въ

отношеніи враговъ допускались и оправдывались всевозможныя нарушенія справедливости и всевозможныя насилія. Даже выдающіеся мыслители древняго міра, представители греческой философіи, согласно въ общемъ признавали, что варвары ничево не заслуживали, кромѣ презрѣнія и самую природою были предназначены служить эллинамъ.

Войны, развитіе торговли и колонизація постепенно вели къ смягченію и даже прекращенію международной замкнутости, но начало господства силы полновластно царило надъ международными отношеніями. Устанавливались союзы народовъ, послѣдніе дѣлились на дружескіе и враждебные, но если первымъ не слѣдовало вредить, то въ отношенія вторыхъ дозволялось все; то же постигало и друга, если онъ дѣлался ненужнымъ, или не подчинился велѣніямъ сильнаго.

Ко времени появленія христіанства вышеописанное начало международныхъ отношеній всецѣло опредѣлилось и утвердилось въ лицѣ почти всемірныхъ владыкъ—римлянъ. Исторія республиканскаго Рима—это, собственно, поразительная по рельефности картина безпрерывной вражды съ другими народами, безчисленныхъ войнъ съ цѣлю завоеванія и порабощенія всѣхъ государствъ и всѣхъ народностей. Завоеваніе и подчиненіе Риму итальянскихъ народностей было только ступенью къ завоеванію отдаленныхъ отъ Рима земель, получившихъ названіе римскихъ провинцій. Отношенія римлянъ къ завоеваннымъ государствамъ опредѣляются „исключительно сознаніемъ политической силы и превосходства надъ всѣми другими народами и, согласно съ этимъ, побѣжденные становятся къ нимъ въ положеніе совершенно безправное, *подчиненное неограниченному произволу завоевателя*“ 1).

1) „Современное международное право“. Ф. Мартенса, т. I, стр. 57. 1904 г.

Но въ эпоху наибольшаго могущества Рима раздалось великое слово, безповоротно осудившее принципы и идеалы, которыми жило языческое государство. Мы уже упомянули, что народы древняго міра почти безъ исключенія всѣ жили вѣрою въ то, что именно онъ, извѣстный народъ, является представителемъ Божества на землѣ, что онъ выше другихъ народовъ и призванъ надъ ними господствовать. вмѣсто такого ученія о превосходствѣ одного народа предъ другими по самой природѣ и разобщенности ихъ интересовъ, неизбѣжно вытекающей изъ этого ученія, христіанство провозгласило идею братства народовъ. Оно исповѣдало, что „отъ одной крови Богъ произвелъ весь родъ человѣческій для обитанія по всему лицу земли“¹⁾. Вѣрѣ римскаго гражданина въ торжество вѣщней силы, необходимости мести и конечнаго уничтоженія врага христіанство противопоставило великое начало непрогнѣнія зломъ злу, прошенія врага, самоотверженнаго служенія ближнему.

Послѣ многовѣковой борьбы это новое слово принимается европейскимъ человѣчествомъ, но далеко не проникло собою и до нашихъ дней всего его существа. И послѣ появленія христіанства, и послѣ принятія его европейскими народами, и теперь, какъ всегда, безконечно далеко отъ совершеннаго воплощенія въ жизни слова жизни, безконечно великъ разладъ слова и дѣла. Исторія христіанскихъ народовъ наглядно доказываетъ это.

Римская всемірная имперія пала подъ ударами варварскаго міра. Послѣдній побѣдилъ Римъ своею вѣщною силой и воинственнымъ духомъ и естественно, какъ всѣ некультурные народы, былъ проникнутъ безграничнымъ уваженіемъ къ физической силѣ. Самое принятіе варварскими народами христіанства не могло сразу преобразовать государственную жизнь новыхъ историческихъ дѣятелей, и въ сред-

¹⁾ Дѣл. ХУП, 26.

ніе вѣка, не смотря на видимое торжество христіанства, мы встрѣчаемъ, пожалуй, еще болѣе яркое обнаруженіе господства кулачнаго права, всякаго насилія и произвола. „Феодальное рыцарство, по характеристикѣ Мартенса, не оставливалось ни передъ какими насиліями во время своихъ распрей и не признавало никакихъ законовъ и обычаевъ, которые ограничивали бы примѣненіе силы; оно не считало даже обязанностью точное исполненіе даннаго врагу слова; вѣроломство было однимъ изъ употребительнѣйшихъ средствъ веденія войны, къ которому нерѣдко прибѣгали сами государи“ ¹⁾).

Но не умерло сѣмя христіанской проповѣди. Подъ вліяніемъ прежде всего единенія въ вѣрѣ, а долгое время подъ вліяніемъ виѣшняго церковнаго единства, параллельно съ проникновеніемъ частной жизни и частныхъ отношеній началами правды и гуманности, подготавливалась почва для постепеннаго, хотя бы то и медленнаго преобразованія международныхъ отношеній. Вполнѣ попятно, что первые проблески новаго жизнепониманія мы встрѣчаемъ въ теоретической области мысли, и въ исторіи международнаго права всегда будетъ занимать самое видное мѣсто знаменитый трудъ Гуго Гроція „De jure belli ac pacis“. Это уже ясное выраженіе новыхъ идеаловъ международныхъ отношеній. Основная задача этого труда показать, что и въ политической международной жизни должны осуществляться не однѣ своекорыстныя цѣли, но также и правила справедливости и человеколюбія. Чѣмъ дальше, тѣмъ яснѣе въ области философской мысли находитъ выраженіе то убѣжденіе, что цѣль международныхъ отношеній не взаимное уничтоженіе и подавленіе, но совмѣстное развитіе и совершенствованіе. Появляются философскіе проекты всеобщаго міра, а въ лицѣ Канта, въ его сочиненіи „о вѣчномъ мирѣ“, философская

¹⁾ Т. I, стр. 77.

этика возвысилась до сознанія необходимости въ политикѣ руководиться нравственными нормами жизни.

Идеалъ, начертанный Кантомъ, далеко не встрѣтилъ согласнаго признанія и въ области философской мысли; тѣмъ болѣе далеко отстояла отъ этого идеала дѣйствительная жизнь. Последняя не возвысилась даже до умѣренныхъ пожеланій Гроція, а больше вращалась въ сферѣ идей Макіавелизма, оправдывающаго всѣ средства для достиженія высокой цѣли—блага государства. Проекты всеобщаго мира не только не привели къ ихъ осуществленію въ дѣйствительной жизни народовъ, но и теперь кажутся столь же неосуществимыми, какъ впервые послѣ своего появленія.

Однако мы не хотимъ впадать въ крайность, разрывая всецѣло область теоретическаго правосознанія и практическаго образа дѣйствій. Исторія свидѣтельствуетъ, что отношенія и отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ человѣческихъ группъ въ значительной степени обусловливаются и какъ бы даже являются отраженіемъ внутренняго состоянія общества, болѣе или меньшей мѣры развитія его правосознанія. Последнее выразилось въ теоретической области философскими теоріями, проникнутыми сознаніемъ высоты человѣческой личности и долга уваженія къ человѣческимъ правамъ. Казалось на первый взглядъ, что всѣ эти доктрины и разсужденія вовсе не повліяли на дѣйствительную жизнь: войны велись такъ же жестоко и такъ же несправедливо нарушались права слабѣйшаго. Но присматриваясь болѣе внимательно къ проявленіямъ международной жизни, мы, чѣмъ дальше шла исторія, тѣмъ яснѣе видимъ въ ней слѣды проникновенія началъ правды и гуманности въ область международныхъ отношеній. Для такого утвержденія мы располагаемъ несомнѣнными фактами. Мы сказали уже, что войны велись, въ общемъ, одинаково жестоко и такъ же несправедливо, какъ и раньше. Но замѣчательно, что эти войны и всевозможные захваты при всей ихъ несправедливости, а иногда и вопиющей безсовѣст-

ности, прикрываются теперь, т. е. приблизительно съ XVI-го вѣка и до нашихъ дней, видомъ справедливости и права, обыкновенно торжественно провозглашаемыхъ въ манифестахъ правителей и представителей народовъ. Въ этомъ нельзя не видѣть нагляднаго выраженія того, что соверпилось значительное повышеніе собственно народнаго правосознанія, требовавшаго хотя бы только внѣшняго воплощенія начала правды въ своей жизни.

Еще болѣе замѣчательнымъ фактомъ, свидѣтельствующимъ о повышеніи правосознанія народовъ и измѣненіи принципиальныхъ взглядовъ на международныя отношенія, служить появленіе въ политической жизни международныхъ конгрессовъ. Въ 1648 году совершилось событіе, которое дало основаніе считать съ этого времени новый періодъ въ исторіи международного права: собрался конгрессъ представителей большинства европейскихъ государствъ, закончившійся мирнымъ Вестфальскимъ трактатомъ. Самая возможность такого конгресса ясно доказала, что въ народное сознаніе уже глубоко проникла идея солидарности народныхъ интересовъ и законности приложенія къ международной жизни начала права. Было торжественно признано этимъ фактомъ, что при всемъ различіи частныхъ интересовъ отдѣльныхъ государствъ, есть нѣчто общее и существеннѣйшее, связующее ихъ въ единство, и ясно, что возможность такого единенія могла утверждаться единственно на нравственномъ началѣ—началѣ права.

Это единеніе было непрочнымъ. Какъ мы уже сказали, и послѣ Вестфальскаго трактата также продолжались войны, захваты чужихъ владѣній со всеѣмъ сопровождавшимъ ихъ ужасомъ жестокости и несправедливости. Мечта о политическомъ равновѣсіи, когоруо жила Европа одно время, какъ бы разомъ была разбита дѣятельностью Наполеона I. Эта же дѣятельность сдѣлала ненужнымъ, по крайней мѣрѣ на время, лицемерное прикрываніе своей алчности и жестокости

идеями правды и гуманности. Но и эта дѣятельность закончилась Вѣнскимъ конгрессомъ, за которымъ слѣдовалъ цѣлый рядъ подобныхъ же конгрессовъ. Въ XIX же вѣкѣ наука и жизнь выдвинула новый принципъ—національности, который долженъ былъ положить извѣстный предѣлъ политическому произволу и насилию. Уваженіе къ этому началу національности сдѣлало если не невозможнымъ, то болѣе затруднительнымъ грубо вѣтшнее отношеніе къ народности, когда судьбою народа распоряжались какъ бездушною вещью, когда не было уваженія къ національнымъ идеаламъ, не было мѣста для свободнаго развитія этихъ идеаловъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ челоѣческой личности.

Отмѣченныя нами характерныя явленія международной жизни, свидѣтельствуя о повышеніи народнаго правосознанія, все же еще далеко не говорятъ за то, чтобы въ дѣйствительной жизни и отношеніяхъ народовъ произошла коренная перемѣна, чтобы челоѣчество забыло идеалы языческаго міра и прониклось глубоко и внутренне христіанскими началами правды и взаимнаго служенія.

Въ самомъ дѣлѣ, что, казалось, могло быть выше и по существу нравственнѣе, какъ рѣшеніе частныхъ затруднительныхъ случаевъ и столкновеній народныхъ интересовъ на международныхъ конгрессахъ? Но исторія представляетъ много данныхъ, заставляющихъ если не окончательно разочароваться въ пригодности такого способа рѣшенія международныхъ вопросовъ, то во всякомъ случаѣ не придавать имъ преувеличеннаго значенія. Исторія представляетъ много доказательствъ того, что постановленія этихъ конгрессовъ далеко не всегда соблюдались ихъ сильными представителями, да и самыя постановленія конгрессовъ нерѣдко были очень далеки отъ соответствія ихъ началамъ истинной справедливости. Та же самая сила, которая давала право отдѣльнымъ правителямъ и государствамъ подавлять и обижать слабѣйшихъ, эта же сила опредѣляла, въ сущности, и рѣшеніе кон-

гресса. Точно такъ же, принципъ національности, выдвинутый съ такою силою въ прошломъ столѣтїи, мало затронулъ сущность вопроса объ отношенїи политики и нравственности. Этотъ принципъ, благородный по существу, легко и часто переходитъ въ узкій націонализмъ, готовый оправдать всякое преступленіе и всякое насиліе ссылкой на интересы національности и національнаго развитїя, т. е. ссылкой на благо народа, какъ ссылаются въ подобныхъ случаяхъ на благо государства или отечества.

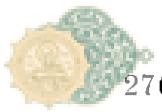
Такимъ образомъ и теперь, какъ много ранѣе, даже больше, какъ всегда, политика и нравственность стоятъ другъ противъ друга, какъ силы различныя до полной противоположности. Немногочисленные пока опыты третейскаго разбирательства еще не могутъ, конечно, гарантировать побѣды нравственнаго начала правды надъ началомъ силы. Опытъ недавней южно-африканской войны ясно показалъ все могущество принципа вѣншей силы и беззащитность слабого, а Гаагская мирная конференція, на ряду съ положительными частными результатами, наглядно показала, какъ вообще не развито международное правосознаніе, какъ далеко еще до проведенїя въ жизнь народовъ не только чистыхъ и высокихъ началъ христіанской любви, но и элементарныхъ требованій справедливости. Сила неизмѣнно даетъ право, насиліе и подавленіе слабого неизмѣнно повышаетъ государственное могущество, о честной политикѣ говорятъ не иначе, какъ съ насмѣлкой, самыя слова „дипломатїя“ и „дипломатическое право“ сдѣлались синонимами произвола и хитрости¹⁾. Говоря коротко, не смотря на большую организованность международныхъ отношеній; не смотря на смягченіе жестокостей войны, особенно послѣ Женевской конвенціи 1864 года; не смотря на безспорное повышеніе взаимнаго

¹⁾ Мартенсъ. Т. I, стр. 189.

уваженія народовъ другъ къ другу, —не смотря на все это, вопросъ объ отношеніи нравственности и политики все такъ же стоитъ передъ нами, все такъ же понятіемъ блага народовъ и государства оправдываются всевозможныя нарушенія нравственныхъ требованій, все такъ же продолжаетъ казаться, что требованія нравственной политики и попытка оцѣнивать послѣднюю съ нравственной точки зрѣнія, есть не только неосуществимая мечта, но едва-ли не преступленіе противъ своего отечества; все такъ же, изучая исторію, мы живемъ чисто языческими идеалами грубаго насилія и служенія узко эгоистическимъ національно-государственнымъ интересамъ.

Такимъ образомъ факты исторіи на лицо: политика и нравственность всегда были въ союзѣ другъ съ другомъ и чаще всего прямо противоположны. На лицо, повидимому, и историческая оцѣнка такихъ фактовъ: она утверждаетъ, что высшее могущество достигается силою, которая не останавливается ни передъ чѣмъ ради служенія интересамъ своего народа и отечества. Добро въ политической жизни, съ этой точки зрѣнія, все то, что исходитъ изъ яснаго сознанія, въ чемъ польза отечества; нравственный кодексъ для политическаго дѣятеля—это не заповѣди правды и любви, но политическій опытъ. Всякое предпочтеніе, отданное заповѣди благожеланія и вѣрности другому, предъ государственнымъ интересомъ, даже частнымъ и второстепеннымъ, это въ лучшемъ случаѣ—мечтательный сентиментализмъ; въ худшемъ—измѣна отечеству, политическое преступленіе. Такъ, повидимому, отвѣчаетъ на вопросъ о взаимоотношеніи политики и нравственности исторія. Современная дѣйствительность какъ бы утверждаетъ это. Она свидѣтельствуетъ, что въ политикѣ христіанскихъ народовъ и до настоящаго времени полностью царитъ раздоръ и вражда, и кажется, что не можетъ быть согласія между законами Божьяго Царства и законами, управляющими жизнью царствъ человѣческихъ.

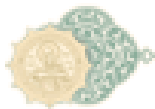
Что дѣлать этикѣ предъ лицомъ подобнаго положенія дѣла? Не должна ли она признать, что нравственная оцѣнка событій неприложима къ политикѣ и въ силу этого отказаться отъ мысли оцѣнивать явленія современной политической жизни съ нравственной точки зрѣнія? Очевидно, что до сихъ поръ еще имѣтъ данныхъ, которыя могли бы оправдать такое утвержденіе. Исторія и наблюденія современной жизни говорятъ лишь о томъ, что есть, что дѣлалось и дѣлается въ международныхъ отношеніяхъ. Но для этики этого недостаточно: она, какъ нормативная наука, не можетъ успокоиться на одномъ существованіи извѣстнаго факта, но хочетъ осмыслить самый фактъ, дать ему такое или иное объясненіе, оправдать его или осудить. Съ этой только точки зрѣнія этика можетъ смотрѣть и на прошедшія судьбы челоувѣчества и на современное ихъ положеніе. Итакъ, для того, чтобы рѣшить вопросъ о приложимости или неприложимости нравственной оцѣнки къ политикѣ, мы должны сумѣть отрѣшиться отъ того ослѣпительнаго блеска, въ какомъ нерѣдко является порочность въ исторіи, и посмотрѣть на дѣло по существу.

Вопросъ, какъ мы видимъ, сводится къ тому, возможно ли существенное различіе нравственныхъ требованій, прилагаемыхъ къ частной жизни, съ требованіями или нормами общественно-политической жизни; возможно ли, говоря проще, вѣрить въ то, что безнравственное для отдѣльнаго лица можетъ явиться долгомъ для цѣлаго общества? Что такое общество по сравненію съ составляющими его элементами, чтобы мы имѣли право признать такое раздѣленіе началъ, лежащихъ въ основѣ ихъ жизни? Что такое нація, что такое государство? Мы не будемъ прибѣгать къ аналогіямъ при отвѣтѣ на поставленный вопросъ, такъ какъ и при глубокомъ соответствіи аналогіи существу дѣла всегда можно ожидать возраженій противъ такого ихъ соответствія и недоумѣній при послѣдовательномъ ихъ раскрытіи. Мы предпо-

читаемъ избѣжать этого и приемъ за исходный пунктъ такое опредѣленіе общества, націи и государства, которое не можетъ вызвать возраженій противъ его истинности, хотя не отличается богатствомъ и полнотою содержанія: общество, нація, государство, это, прежде всего, совокупность составляющихъ эти общества членовъ; еще проще, мы утверждаемъ то безспорное положеніе, что каждое общество состоитъ изъ большей или меньшей суммы отдѣльныхъ лицъ. Это опредѣленіе представляется, дѣйствительно, мало содержательнымъ и не выражающимъ всего существа понятія общества, но и этого опредѣленія совершенно достаточно для отвѣта на поставленный нами вопросъ. Мы спрашивали: можетъ ли такое или иное, большее или меньшее общество имѣть иной законъ добра въ своей жизни, чѣмъ тотъ, какой руководить отдѣльными его членами. Теперь мы со всею увѣренностью отвѣчаемъ на этотъ вопросъ отрицательно, и право такъ отвѣтить даетъ намъ предложенное безспорное опредѣленіе общества. Какъ бы ни была велика сумма однородныхъ слагаемыхъ, но ея существо или качество будетъ безспорно одинаково съ существомъ или природою каждаго слагаемаго, взятаго въ отдѣльности. Если признать, поэтому, что началомъ, опредѣляющимъ личную жизнь, должны быть—сила и эгоизмъ, то, естественно, эти же начала должны лежать и въ основѣ общественныхъ отношеній и оцѣнки событій государственной жизни. Но мы сказали, что современная мысль довольно точно опредѣлила и описала, что вообще должно быть признаваемо нравственнымъ и что безнравственнымъ въ жизни человѣка и въ его отношеніяхъ къ ближнему. И если личность признается существомъ разумнымъ, а нормами ея поведенія—начало нравственное въ общепризнанномъ смыслѣ, то признать въ этомъ случаѣ какое-бы то ни было общество свободнымъ отъ нравственныхъ нормъ, руководящимся въ своей жизни только началами инстинктивного самосохраненія и безразборной самозащиты—это значитъ признать

общество стоящимъ на низшей ступени жизни, чѣмъ каждаго изъ его членовъ. Иными словами, при современныхъ взглядахъ на міръ нравственной жизни, какъ жизни существа разумнаго, признать государство и всякое общество находящимся по ту сторону добра и зла, значитъ низвести сущность общественной жизни на степень жизни чисто животной, неразумной. Мы не споримъ, что это возможно. Если мы должны признать, что каждый человѣкъ можетъ ниспадать до состоянія животности, то и совокупность такихъ особей не представить чего-либо иного. Мы утверждаемъ, однако, что неизмѣнныя нормы нравственности всегда будутъ одиѣ и тѣ же для цѣлаго общества, какъ и для каждаго его члена въ отдѣльности. Отъ такого или иного отношенія къ этимъ нормамъ необходимо будетъ зависѣть и степень нравственной высоты жизни какъ личной, такъ и общественной. Зависимость эта столь тѣсная, что можно установить слѣдующія весьма важныя для насъ положенія. Это, во-первыхъ, то, что высшій уровень нравственности въ личной жизни членовъ общества необходимо отражается повышеніемъ въ нравственномъ смыслѣ и жизни и политики цѣлаго общества и государства, конечно, имѣющаго возможность свободнаго развитія своей жизни. Во-вторыхъ, намъ представляется невозможнымъ признавать цѣлое общество свободнымъ въ своей жизни отъ нравственныхъ нормъ, не освобождая въ то же время отъ послѣднихъ нашу личную жизнь и личные отношенія. Для нашей прямой цѣли, безспорно, гораздо большее значеніе имѣетъ второе, выдвинутое нами, утвержденіе, на немъ мы, потому, и остановимся нѣсколько больше. Что же касается перваго утвержденія, того именно, что общественное развитіе вообще и нравственное въ частности находится въ самой тѣсной зависимости отъ степени развитія отдѣльныхъ личностей, составляющихъ общество, то это утвержденіе не требуетъ и особыхъ доказательствъ. Голосъ исторіи, данныя статистики, непосредственное наблюденіе—

все согласно свидѣтельствуемъ объ этомъ, констатируя самую глубокую зависимость большаго или меньшаго совершенства государственныхъ учреждений отъ степени провъ-шенія народа и развитія правового самосознанія. Междуна-родныя отношенія въ данномъ случаѣ не представляютъ исключенія. По замѣчанію Мартенса, они также „всегда представляютъ зеркало, точно отражающее внутреннее со-стояніе государственныхъ обществъ въ извѣстную эпоху ихъ существованія, равно и принциповъ, которые лежатъ въ основаніи соціальнаго и политическаго ихъ строя¹⁾).

Болѣе сложнымъ представляется наше второе утвержде-ніе, согласно которому, признать общество стоящимъ внѣ господства нравственныхъ нормъ нельзя иначе, какъ освободивши, конечно, въ принципѣ, отъ этихъ нормъ и отдѣль-ную личность. Это второе утвержденіе далеко не является такимъ общепризнаннымъ, какъ первое. И это совершенно понятно, потому что съ признаціемъ этого положенія рѣ-шительно устраняется возможность оправдывать отступленія отъ нравственныхъ требованій въ общественной жизни. Мы не будемъ утомлять вниманія перечисленіемъ многихъ именъ и различныхъ мнѣній мыслителей, пытавшихся доказать воз-можность считать общество и его жизнь не связанными тѣ-ми нравственными нормами, которыя признаются ими обяза-тельными въ частной жизни. Мы позволимъ себѣ привести въ данномъ случаѣ мнѣніе только нашего русскаго покой-наго философа В. Н. Чичерина, который, по нашему мнѣ-нію, съ наибольшою опредѣленностью и ясностью вырази-то, что можно сказать въ защиту раздѣленія законовъ со-ціальной и индивидуальной нравственности. И вотъ что онъ говоритъ: „политику невозможно подвести подъ точку зрѣнія безусловной нравственности, точно такъ же, какъ нельзя приложить къ государству началъ абсолютнаго права. Надъ

¹⁾ Т. I, стр. IV.

тѣмъ и другимъ господствуетъ высшая цѣль политической жизни—общее благо. Эта цѣль сама по себѣ есть начало нравственное; но оно не всегда можетъ быть достигнуто безукоризненными средствами. Отъ частнаго человѣка можно требовать, чтобы поступки его были безупречны, ибо цѣль, которую онъ себѣ полагаетъ, личное счастье, не есть непрѣмная и необходимая; она должна подчиняться высшимъ требованіямъ. Частный человѣкъ долженъ жертвовать своимъ личнымъ счастьемъ своему нравственному достоинству. Но благоденствіе народа невозможно приносить въ жертву абсолютной строгости нравственныхъ правилъ. Въ политикѣ верховный законъ есть общее благо (*salus populi suprema lex*); для спасенія народа приходится иногда жертвовать всѣмъ... А такъ какъ цѣль непрѣмно должна быть достигнута, то извинительно въ случаѣ крайности употреблять и такіа средства, которыя не оправдываются нравственностью. Здѣсь является столкновеніе двухъ началъ, при которомъ нравственный законъ не можетъ имѣть притязанія на верховное владычество¹⁾. Далѣе Б. Н. Чичеринъ нѣсколько смягчаетъ рѣзкость своего заключенія, рекомендуя переступать границу нравственныхъ требованій лишь въ случаѣ дѣйствительной нужды.

Вотъ, по нашему мнѣнію, наиболее опредѣленно высказанное убѣжденіе, пытающееся разграничить сферу нравственности и политики безъ отрицанія абсолютной обязательности требованій нравственнаго закона для личности. Не трудно однако показать, что аргументація Б. Н. Чичерина утверждается на шаткомъ основаніи.

Сущность всего разсужденія въ томъ, что высокая нравственная цѣль служенія благу государству можетъ оправдать и безнравственные средства при ея достиженіи. Правила нравственной жизни неприменимы въ данномъ случаѣ

¹⁾ Исторія политическихъ ученій Т. I, стр. 313.

потому, что общее благо есть верховная цѣль нравственной дѣятельности, которая непременно должна быть достигнута и сама по себѣ есть нравственная цѣль.

Что служеніе общему благу есть дѣйствительно нравственно добрая цѣль, въ этомъ, конечно, не можетъ быть и сомнѣнія. Но мы думаемъ и утверждаемъ, однако, что и такая цѣль не можетъ оправдать безнравственныхъ средствъ при ея достиженіи подобно тому, какъ этого нѣтъ въ личной жизни и личныхъ отношеніяхъ. Мы не хотимъ, впрочемъ, отвлекаться въ сторону и доказывать, что начало: цѣль оправдываетъ средства—не выдерживаетъ строгой этической критики и еще апостоломъ Павломъ осуждено предложеніе „дѣлать зло, чтобы изъ этого вышло добро“¹⁾.

Мы будемъ стоять на точкѣ зрѣнія самого Б. Н. Чичерина и спросимъ только, почему же этотъ принципъ цѣли, оправдывающей средства, неприложимъ въ частной жизни? Намъ, правда, указываютъ на то, что идеаль частнаго человѣка—личное счастье, а идеаль политики—общее благо. Мы, безъ сомнѣнія, согласны, что послѣдній идеаль безконечно выше перваго съ точки зрѣнія нравственной этики. Но какое здѣсь разумѣется общее благо? Почему это общее благо только благо государства, а не благо, напримѣръ, всего человѣчества? Почему въ особенности это общее благо, какъ противоположность моему личному счастью, нельзя понимать въ болѣе узкомъ смыслѣ, въ смыслѣ блага вообще всякаго общества, всякой группы лицъ, членомъ которой состою и я? Качественный критерій цѣнности цѣли неизмѣненъ: я служу не себѣ, не своему личному эгоизму, но общему благу. А количественный критерій цѣнности этой цѣли всегда и неминуче остается неопредѣленнымъ, такъ какъ неопредѣленно и самое понятіе общества и общаго блага.

¹⁾ Римл. III, 8

Почему я не могу прибѣгнуть къ безнравственнымъ средствамъ ради мнимаго или дѣйствительнаго спасенія своей семьи, своихъ товарищей, своего города и т. д.? Быть можетъ, потому, что при этомъ могутъ пострадать интересы большей группы лицъ, напримѣръ, государства? Но если количество лицъ, иначе, величина общественной группы служить количественнымъ критеріемъ цѣнности поведенія при служеніи общему благу, то вѣдь и служеніе государству можетъ повести къ вреднымъ послѣдствіямъ для жизни другихъ государствъ, т. е. опять - таки еще большей группы лицъ. Гдѣ здѣсь граница? Если можно сказать, что такою границею является государство, какъ нравственное учрежденіе, то такими же нравственными учрежденіями являются и семейство и всякое общество, преслѣдующія опредѣленныя цѣли, не противныя нравственнымъ нормамъ; а христіанство не усумнилось и все человѣчество назвать единымъ нравственнымъ организмомъ. Итакъ, если нравственно добрая цѣль оправдываетъ безнравственный путь ея достиженія, то вообще и всегда оправдываетъ, т. е. и въ политикѣ, и въ частной жизни. Если же послѣднее не признается, а признать этого нельзя безъ совершеннаго отрицанія основъ нравственной жизни и объективной цѣнности нравственныхъ нормъ, то и незаконно со строго логической точки зрѣнія оправдывать такое ненормальное явленіе государственной жизни, какъ служеніе ея благу при помощи зла. Нравственно добрая цѣль, безъ всякаго сомнѣнія, и охранять интересы семьи, и помогать бѣднымъ и т. п., но если эта цѣль осуществляется на счетъ попранія чужихъ правъ и интересовъ, то едва-ли найдется моралистъ, склонный оправдать такой путь служенія доброй цѣли.

Такимъ образомъ, изъ того принципа, что служеніе государству есть служеніе общему благу, еще вовсе не слѣдуетъ, что это служеніе можетъ и должно совершаться всѣми возможными средствами. Единственно надежное основаніе для

такого утвержденія то, что такъ дѣлалось и дѣлается, а стало быть такъ и должно быть. Но мы уже сказали, что такая точка зрѣнія не обязательна для этики и видѣли, что она не выдерживаетъ строго этической критики, какъ не можетъ имѣть рѣшающаго значенія и то свидѣтельство исторіи, что безнравственный путь, путь лжи и насилія нерѣдко содѣйствовали преуспѣянію государственнаго могущества и богатства. Не можетъ имѣть рѣшающаго значенія послѣднее обстоятельство потому, что въ этомъ еще нѣтъ ничего необычнаго и удивительнаго, свойственного исключительно явленіямъ соціально политической жизни: то же самое и на каждомъ шагѣ мы встрѣчаемъ въ частной жизни и въ частныхъ отношеніяхъ. Мысль о строгомъ соответствіи нравственной чистоты и внѣшняго благополучія въ наше время, да, пожалуй, и во всѣ времена, не можетъ быть принимаема и защищаема серьезно: такого соответствія нѣтъ ни въ личной, ни въ государственной жизни. Но какъ это несоответствіе не можетъ служить оправданіемъ личной безнравственности, такъ точно не оправдываетъ оно безнравственности и въ сферѣ политическихъ отношеній. Если, какъ совершенно справедливо говоритъ Б. Н. Чичеринъ, отдѣльная личность должна отдавать предпочтеніе своему нравственному достоинству предъ личнымъ счастьемъ и, соответственно этому, цѣлю своей дѣятельности ставить не это счастье, а служеніе высшей цѣли, служеніе благу другихъ, то нѣтъ никакого основанія отнимать этотъ предикатъ нравственнаго достоинства и отъ цѣлыхъ группъ людей, въ томъ числѣ и отъ государства, и соответственно этому, необходимо требовать отъ послѣдняго не служенія исключительно своему эгоизму или своему благу, но также высшей нравственной цѣли, лежащей внѣ самого государства, хотя и неразрывно связанной съ нимъ, какъ служеніе личности благу общества, членомъ котораго она состоитъ. И дѣйствительно, современная этика въ громадномъ большинствѣ своихъ лучшихъ

представителей указывает эту высшую цѣль государственной жизни въ служеніи самого государства не своимъ только интересамъ, но интересамъ общечеловѣческаго развитія, въ служенія. иными словами, также общему благу, но уже благу всего человѣчества. Христіанство же безмѣрно возвышается и надъ этимъ величайшимъ словомъ гуманной этики, включая въ то же время его и сообщая ему истинную силу и смыслъ въ идеѣ Божьяго Царства и служенія этому Царству какъ каждаго человѣка въ отдѣльности, такъ и цѣлыхъ человѣческихъ группъ и союзовъ. Предъ лицомъ обоихъ этихъ царствъ—и царства человѣчности и Царства Богочеловѣческаго—отдѣльные царства и народы являются не болѣе, какъ членами общечеловѣческаго организма, призванными исполнить извѣстное назначеніе въ общей экономіи жизни, подобно тому, какъ въ извѣстномъ обществѣ его благу служатъ отдѣльныя личности. Предъ лицомъ обоихъ этихъ царствъ немислима защита зако-національныхъ или государственныхъ интересовъ: въ отношеніи общечеловѣческаго блага проповѣдь о служеніи народному эгоизму будетъ равносильна призыву къ увѣковѣченію борьбы среди людей, той борьбы, которая и теперь раздражаетъ человѣчество и которая должна исчезнуть только при сознаніи единства общечеловѣческихъ интересовъ; въ отношеніи идеи царства Богочеловѣческаго этотъ же грубый національно государственный эгоизмъ будетъ означать не иное что, какъ возвращеніе, по мѣткому замѣчанію В. С. Содолева¹⁾, къ раздору между эллиномъ и варваромъ, іудеемъ и язычникомъ, раздору, упраздненному христіанствомъ. Въ томъ и другомъ случаѣ этотъ общественный эгоизмъ не можетъ быть оправданъ, но осужденъ, а съ нимъ вѣдѣтъ безповоротно отвергнуты всѣ попытки оправдать нарушеніе универсаль-

¹⁾ Собраніе сочиненій. Т. IV, стр. 6. „Великій споръ и христіанская политика“.

ныхъ идей правды и любви ради служенія благу своего народа и своего государства.

Мы сказали, что такой выводъ есть въ одно и то же время и пріобрѣтеніе современной философской мысли и необходимый законъ Божьяго Царства. Для насъ очень цѣнно такое согласіе этихъ, во многомъ другомъ не согласныхъ между собою, основъ человѣческой жизни, и мы можемъ теперь взглянуть на интересующій насъ вопросъ съ собственно христіанской точки зрѣнія, безъ опасенія быть осужденными съ точки зрѣнія современной гуманной этики и безъ необходимости бороться съ возраженіями послѣдней. Мы, съ своей стороны, не будемъ упрекать современную этику въ недостаточности ея основъ и доказывать невозможность на началѣ служенія общечеловѣческому благу, вѣкъ идеал Божьяго Царства, утвердить, какъ нѣчто всеобще-обязательное, правила личной и общественной нравственности. При отсутствіи вѣры въ Бога или при убѣжденіи, что Богъ покинулъ человѣка, не остается ничего больше, какъ стремиться къ утвержденію на землѣ собственного царства человѣчности и жить надеждою на возможность устроенія жизни собственными усиліями. И въ этомъ случаѣ проповѣдь самоотверженнаго служенія общечеловѣческому благу есть безспорно высокое слово, быть можетъ, даже слишкомъ высокое для гуманной этики. Мы же посмотримъ на вопросъ съ точки зрѣнія универсальной идеи Божьяго Царства, идеи, примиряющей любовь къ себѣ и ближнему, къ близкимъ и дальнимъ, къ своему народу и государству съ любовью ко всему человѣчеству.

Доказывать, что христіанство не можетъ быть приминено съ безнравственною политикой, было бы только утомительно, по существу же излишне. Если при вѣрѣ въ то, что царство человѣчности создается на землѣ самимъ человекомъ и единственно его усиліями, возможно видѣть путь къ истинному благу и прогрессу въ господствѣ болѣе умнаго и

сильнаго, господствѣ при этомъ, достигаемомъ всякими средствами, то при христіанской вѣрѣ въ то, что истинный міро-правитель—Богъ, не можетъ быть и рѣчи о господствѣ и величіи, приобретаемыхъ цѣною нравственныхъ преступленій. Думать иначе, думать именно, что нарушение началъ правды и любви можетъ вести въ качествѣ конечнаго результата къ возвышенію истинной силы и могущества, значило бы вѣрить въ то, что Богъ исторіи не есть Богъ истины и любви, но сила въ основѣ безразличная. Если, поэтому, мы видимъ, что современныя государства, называющіяся христіанскими, не хотятъ однако этого признать; если мы и въ исторіи этихъ государствъ читаемъ и самъ бываемъ свидѣтелями безпрестанныхъ нарушеній въ международной жизни нравственныхъ ея основъ, то это лишь со всею несомнѣнностью доказываетъ, что современному государству ошибочно усваивается наименование христіанскаго, но что въ дѣйствительности его богомъ является что-то другое. Назовите какъ угодно: сила, богатство, успѣхъ, цивилизація, но все это тѣ идолы, въ отрѣшеніи ихъ отъ идеи Божьяго правленія и царства, которые ставятся человѣчествомъ на мѣсто живого Бога исторіи. Когда христіанство провозглашаетъ ученіе о братствѣ всѣхъ людей во Христѣ, какъ дѣтей Единого Небеснаго Отца; когда оно учитъ, что предъ лицомъ этого братства нѣтъ различія іудея и язычника, эллина и варвара, оно окончательно и безповоротно осуждаетъ узкій націонализмъ, пытающійся видѣть въ одномъ только какомъ-либо народѣ единственнаго представителя человѣчества и двигателя его историческихъ судебъ. Когда христіанство призываетъ научить всѣ народы и крестить ихъ въ одно Тѣло Христова—Церковь, то оно также безповоротно осуждаетъ ту вражду и тотъ раздоръ, который разъединяетъ человѣчество, и всѣхъ зоветъ къ согласной работѣ—служенію Одному Богу и соработничеству Ему въ дѣлѣ созиданія Богочеловѣческаго Царства. Когда, наконецъ, христіанство

возвѣщается, что Царство Божіе не отъ міра сего, но по существу есть „праведность, и миръ, и радость во Святомъ Духѣ“¹⁾, оно не можетъ видѣть въ служеніи временнымъ интересамъ своего государства высшей цѣли жизни и учить о горнемъ отечествѣ, называя гражданъ этого міра странниками и пришельцами на землѣ. Царство Божіе выше земного міра и всѣхъ его учреждений. Оно обнимаетъ своимъ покровомъ и душу отдѣльной личности, призывая служить Богу, и цѣлыя народы и царства, видя въ нихъ орудія въ дѣлѣ созиданія Божьяго Царства.

Мы обѣщались не доказывать, какъ несомнѣнной истины, того, что христіанство никогда не можетъ примириться съ оправданіемъ безправственной политики и всецѣло разрушаетъ всѣ попытки оправдать ее на основѣ идеи служенія своему народу или своему государству, и мы могли бы послѣ сдѣланныхъ нами краткихъ замѣчаній по этому поводу считать свою рѣчь законченною, если бы не сознавали естественности нѣкоторыхъ недоумѣній, связанныхъ съ предложеннымъ нами рѣшеніемъ вопроса, при томъ недоумѣніи, могущихъ возникнуть и у вѣрующихъ въ жизненную силу христіанства, и у невѣрующихъ въ нее. Первые недоумѣваютъ, какъ согласить со служеніемъ универсальной идеи Божьяго Царства заповѣдуемую и христіанствомъ любовь къ своему народу и отечеству; вторые съ иронической улыбкой слушаютъ рѣчь о необходимости приложенія началъ правды и любви къ области международныхъ отношеній и готовы заклеймить христіанскую проповѣдь именемъ сентиментальной утопіи. Выслушаемъ сначала первое недоумѣніе.

Мы говорили о томъ, что служеніе интересамъ исключительнаго своего народа и государства еще не есть никакая универсальная цѣль жизни и не можетъ оправдать въ достиженіи ея всѣ средства и всѣ пути; мы сказали также, что

¹⁾ Рим. XIV, 17.

народность и государство не есть что-либо всецѣло само-
довлѣющее, но они являются частями большого цѣлаго, ору-
діями въ дѣлѣ созиданія Божьяго Царства и его членами.
Но не проповѣдуется ли этимъ самымъ бездушный и без-
жизненный космополитизмъ вмѣсто живой, дѣятельной христі-
анской любви; не смѣшивается ли Царство Божіе, въ составъ
котораго входятъ живые люди и цѣлые народы, съ отвлечен-
ною и также безжизненною идеею блага всего человѣчества?
Невольно припоминаются слезы Спасителя при видѣ Іеруса-
лима, выразившія всю силу Его любви къ столицѣ своего
народа, гдѣ суждено Ему было принять крестную смерть;
припоминается сила Павловой любви къ своему народу, ра-
ди спасенія котораго онъ готовъ былъ оказаться отлучен-
нымъ отъ любви Божьей; припоминается жизнь многихъ про-
славленныхъ Церковью христіанъ, жизнь, полная величайши-
ми подвигами самопожертвованія на благо родины, одуше-
вляемая горячею любовію къ своему народу и отечеству.
Что общаго между этою любовію и дѣятельнымъ служеніемъ
общегосударственному благу съ проповѣдію безразличія къ
интересамъ родного народа и пренебреженіемъ гражданскими
обязанностями ради какой-то отвлеченной идеи служенія все-
му человѣчеству? Слиться со своимъ народомъ, отдаться
ему, жертвовать для него своими силами, своимъ имуще-
ствомъ, наконецъ, самую жизнь—все это величайшая про-
тивоположность эгоизму, все это во всѣ времена считалось
добродѣтелью и не можетъ не быть освящено христіанствомъ,
которое въ самоотверженной любви указываетъ основное на-
чало нравственной жизни. Христіанство не противно госу-
дарству: оно учитъ повиновенію власти и призываетъ къ
молитвѣ за царей; христіанство не осуждаетъ національ-
ности и національнаго, и каждый историкъ Церкви можетъ
указать, какъ значительно и нерѣдко плодотворно отражались
національныя особенности народовъ, принявшихъ христіан-
ство, на личномъ пониманіи и усвоеніи послѣдняго и на

проведеніи его началъ въ сознаніе всего человѣчества. Все это совершенно несомнѣнно, и еще много можно было бы сказать въ доказательство того, что христіанство заповѣдуетъ любовь къ отечеству и служеніе ему до самоотреченія. Мы всецѣло преклоняемся предъ этимъ и только утверждаемъ, что нѣтъ ничего общаго между отрицаніемъ любви къ своему народу и отечеству и раскрытымъ нами ученіемъ о невозможности служить благу своего народа и государства безнравственными средствами или же обоготвореніемъ узкоэгоистическихъ національныхъ интересовъ. Мы не утверждаемъ того, будто въ Божьемъ Царствѣ не должно быть мѣста государству, но полагаемъ и утверждаемъ, что государство христіанское, какъ союзъ христіанъ, должно быть учрежденіемъ нравственнымъ, должно ставить достойныя цѣли своего существованія и въ достиженіи этихъ цѣлей служить дѣлу созиданія Божьяго Царства. Точно также мы не утверждаемъ, что національныя особенности должны быть изглажены въ христіанствѣ и христіанской церкви. Национальность, это, правда, результатъ человѣческой ограниченности, но въ предѣлахъ послѣдней она является совокупностью такихъ самобытныхъ особенностей и дарованій, которыя представляютъ великую силу на пути историческаго развитія жизни человѣчества. Съ этой точки зрѣнія быть вѣрнымъ своему государству и служить ему, это значитъ служить ближнимъ вообще, т. е. и близкимъ въ собственномъ смыслѣ слова и всему человѣчеству, на судьбахъ котораго непременно отражается то, какъ каждый его членъ—каждое государство исполняетъ свое назначеніе; любить свой народъ и служить ему, это значитъ опять—таки развивать данный отъ Бога родному народу талантъ, служить высшей цѣли выполненія имъ своей, Богомъ опредѣленной, миссіи.

Итакъ, мы глубоко вѣримъ и утверждаемъ, что христіанство также признаетъ абсолютное нравственное достоинство за любовью къ народу и отечеству, какъ такое же

абсолютное значеніе имѣетъ христіанская заповѣдь о любви къ ближнимъ вообще. Поэтому, если мы раньше утверждали, что любовь къ отечеству и служеніе его благу не есть высшая норма, которая можетъ оправдать всякій путь такого служенія, то мы доказывали не то, будто такая любовь и такое преимущественное служеніе безнравственны или не истинны, но только то, что эта общеобязательная любовь и это служеніе имѣютъ также границу на пути своего осуществленія, переступая которую они дѣлаются преступными. Что это за граница, не трудно отвѣтить: это одинаково законъ и Божьяго царства и нашей совѣсти, это то, что любовь къ ближнему и служеніе ему, равно какъ и служеніе отечеству, должны утверждаться на нравственныхъ основахъ. Нельзя служить ближнему путемъ насилія и обиды, причиняемыхъ другому; нельзя служить своему народу и государству посредствомъ угнетенія и эксплуатаціи другого народа и государства. Законы Божьяго Царства вѣчны и непреложны; люди и земныя царства „преходятъ“; они—члены единого живого цѣлаго, которые настолько живутъ и достойны жить, насколько въ своемъ существованіи согласуются съ законами жизни вѣчной и непреходящей—законами Божьяго Царства или верховнаго добра. Царство земное для христіанина не божество, какимъ оно было для до-христіанскаго челоѣка, какъ не Богъ для христіанина и его народности. И государство, и національность—силы и орудія, призванныя служить единой высшей цѣли—усвоенія челоѣку спасенія. Поэтому служеніе государству и народности христіанина никогда не можетъ перейти для послѣдняго въ самостоятельное поклоненіе имъ, но должно быть служеніемъ ради Бога и во имя Бога и Его Царства. Царство Божіе, какъ возможно полное осуществленіе въ жизни совершеннаго добра,—вотъ предметъ исканій прежде всего и для отдѣльнаго лица и для цѣлаго государства. Богатство и величіе государства такъ же не могутъ быть высшею цѣлью его жизни, какъ то же богатство и

слава—цѣлю индивидуальнаго существованія. „Не сотворите себѣ кумира“, заповѣдалъ Господь; и этимъ кумиромъ не должно быть величіе государства такъ же, какъ и мое личное благо и счастье. Не можете служить одновременно двумъ господамъ, училъ Христосъ. Для христіанина это значить не больше и не меньше какъ то, что Богу должно повиноваться больше, чѣмъ людямъ. Одинъ Госнодинъ у христіанина, законъ Котораго непреложенъ и святъ, и этотъ законъ, по Апостолу, выражается въ одномъ словѣ „любви“¹⁾. Любовь христіанская съ радостью прольетъ свою кровь за ближнихъ, пойдетъ за вѣру свою въ огонь и на крестъ. Но она не захочетъ повести туда любимаго, такъ или иначе обидѣтъ его. Точно также въ служеніи своему государству христіанинъ съ радостью отдастъ жизнь свою и всѣ силы для служенія идеѣ добра, защитѣ слабого и угнетеннаго. Но христіанинъ не можетъ желать славы и могущества для своего отечества, утверждающихся на крови и насилиі; онъ не можетъ гордиться успѣхами своей политики, живущей обманомъ и преступленіемъ. Истинно христіанская любовь къ отечеству желаетъ ему и истиннаго блага и служить этому благу. А это благо для христіанина—Божіе Царство, какъ реальное воплощеніе въ жизни человѣка воли о немъ Бога. Весь нашъ вопросъ, слѣдовательно, въ томъ, въ чемъ полагать благо народа и отечества, а отсюда и цѣль политики. Если благо государства въ томъ, чтобы по возможности больше захватывать себѣ и отнимать отъ другихъ, пріобрѣтая этимъ путемъ свое богатство и силу, и величіе, то христіанинъ, будучи гражданиномъ высшаго отечества, не можетъ быть слугою такого государства. Если же государство по цѣли своего существованія есть учрежденіе нравственное, которое не только призвано заботиться о благоустроеніи жизни своихъ членовъ, но и

¹⁾ Галат. V, 14

въ области международныхъ отношеній воплощать начала любви и правды, служить ближнимъ и любить, конечно, въ христіанскомъ смыслѣ, самыхъ враговъ, то и въ политикѣ такого государства не можетъ быть несогласимаго противорѣчія съ требованіями нравственно добраго, а члены такого государства въ любви къ Богу и служеніи Ему найдутъ высшее освященіе и источникъ любви къ своему народу и отечеству. Истинно нравственный принципъ, въ его приложеніи къ политикѣ, не отрицаетъ служенія ни законнымъ интересамъ государства и народа, ни народному призванію. Тысячелѣтія исторической жизни человѣчества приблизили эту идею къ общественному сознанію. Теперь уже для каждаго образованнаго человѣка ясно то, что интересы каждаго народа и государства требуютъ международнаго общенія. Какъ одѣльный человѣкъ въ общеніи съ другими людьми находитъ полноту жизни чрезъ восполненіе своей личной ограниченности, такъ это же самое наблюдается и въ жизни цѣлыхъ человѣческихъ обществъ: они также только во взаимообщеніи и въ жизни общими интересами могутъ найти полноту своей жизни. Но несомнѣнно само по себѣ, что такое общеніе, чтобы оно было прочно и искренне, возможно только на основѣ сознанія единства высшихъ, истинно человѣческихъ интересовъ у различныхъ народовъ и государствъ, и при господствѣ въ отношеніяхъ строго нравственныхъ началъ. Мы уже сказали, что служеніе народному эгоизму въ смыслѣ желанія по возможности больше захватить для себя, брать, но не давать, такой патріотизмъ можетъ вести только къ отчужденности народовъ другъ отъ друга и къ увѣковѣченію между ними взаимной вражды. Даже больше того, такое служеніе народному эгоизму необходимо отрицательно отразится и на развитіи самого начала національности и государственнаго самосознанія. По глубокому замѣчанію Мартенса, „самобытность народа, въ смыслѣ культурной индивидуальности, можетъ развиваться

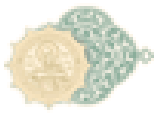
и окрѣпить только въ области международныхъ отношеній, подъ условіемъ взаимнаго уваженія и при дружномъ стремленіи народовъ къ достиженію общихъ культурныхъ идеаловъ“¹⁾. И если мы бросимъ самый бѣглый взглядъ на современную политическую жизнь культурныхъ народовъ, то увидимъ, что въ теоріи необходимость международного общенія и, притомъ основаннаго на высшемъ началѣ единства жизненныхъ интересовъ различныхъ государствъ, является общепризнанной.

Торжественныя рѣчи представителей государствъ всегда согласно утверждаютъ, что дружественныя отношенія съ другими государствами, равно какъ дружественныя отношенія народностей, входящихъ въ составъ одного государства, составляютъ благо для каждаго государства. Равнымъ образомъ, ни одинъ представитель высшей власти не рѣшится сказать, что онъ цѣлью своей политики ставитъ то, чтобы при посредствѣ обмана и обиды другого принести пользу своему народу. Напротивъ, вездѣ торжественно возвѣщается, что дружественныя отношенія равно служатъ благу обѣихъ сторонъ, всегда говорится о желаніи оказывать взаимныя услуги другъ другу и т. д. Общій характеръ подобныхъ политическихъ рѣчей, безъ сомнѣнія, прекрасно всѣмъ извѣстенъ, равно какъ извѣстно, что это только слова, вся цѣль которыхъ замаскировать, насколько возможно, истинные планы правительства. Наиболее ярко эта фальшь, этотъ разладъ слова и дѣла обнаруживается тогда, когда приходится разсуждать не съ сильнѣйшими или съ равными по силѣ государствами, но со слабѣйшими, когда не нужно скрываться и лицемерить. Первое дѣйствительное столкновеніе интересовъ и между великими державами точно также немедленно обнаруживаетъ всю призрачность этихъ

¹⁾ Т. I, стр. V.

торжественныхъ увѣреній въ любви и преданности. Но для насъ важно и то, что сознаніе современнаго просвѣщеннаго человѣчества уже не можетъ потемниться настолько, чтобы въ принципѣ отрицать необходимость международнаго общенія, основаннаго на высшемъ нравственномъ началѣ и взаимномъ служеніи. Для насъ важно это потому, что современное сознаніе устами исповѣдуетъ то же, что и христіанство, когда оно учитъ о единствѣ существенныхъ интересовъ всѣхъ людей и всѣхъ народовъ, указывая источникъ такого единства въ высшемъ Отецествѣ, куда направляются стопы всего человѣчества. Христіанство, такимъ образомъ, не проповѣдуетъ чего-либо по существу несогласнаго съ современнымъ міровоззрѣніемъ, которое и при преклоненіи предъ началами народности и государственности не можетъ отрицать блага истинно нравственнаго взаимообщенія народовъ и царствъ земли и проповѣдывать вмѣсто этого исключительно эгоистическую любовь къ своему. Христіанское нравственное начало жизни только требуетъ, чтобы слово было и дѣломъ, чтобы вмѣсто лицемерія воцарилась искренность, чтобы торжественно исповѣдуемый принципъ послѣдовательно проводился въ жизнь, чтобы не дѣлалось различія между сильнымъ и слабымъ, различія, заставляющаго заискивать у перваго и допускающаго обиду втораго. Христіанство требуетъ, иными словами, чтобы этотъ высшій нравственный принципъ отношеній былъ не красивою внѣшностью, за которою скрывается плохая сущность, не бездушною формою, но духомъ жизни, чтобы исповѣдуемое на словахъ было достояніемъ и ума и сердца.

Безспорно, христіанство требуетъ многого, требуетъ того, чего еще міръ не видалъ. Но мы уже видѣли, что по самой сущности своихъ воззрѣній христіанство иного требовать не можетъ, и если до настоящаго времени его требованія и проповѣдь остаются чуждыми міру, называемому христіанскимъ, то потому лишь, что жизнь и христіанскихъ

народовъ еще далеко не прониклась истинно христіанскими началами и послѣднія, исповѣдуемая на словахъ, еще не сдѣлались достояніемъ сердца.

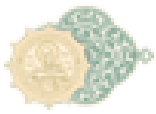
Но изъ того факта, что христіанство требуетъ великаго, того, чего еще міръ не видѣлъ всецѣло осуществленнымъ въ своей жизни, конечно, еще не слѣдуетъ, будто оно требуетъ того, чего и быть не можетъ. Мы пытались разрѣшить первое недоумѣніе вѣрующей мысли, какъ согласить любовь къ своему народу и отечеству съ долгомъ любовно служить другимъ народамъ и государствамъ. Теперь мы обращаемся къ вызову, бросаемому намъ людьми невѣрующими въ силу и колючее торжество добра. Они не иначе какъ съ насмѣлкой могутъ слушать рѣчь о томъ, что универсальное нравственное начало должно господствовать и въ международныхъ отношеніяхъ и что искренность должна разсѣять тьму лжи и лицемерія. Всѣмъ знакомы ихъ запугивающія рѣчи, когда грозятъ всѣми бѣдами тому народу и тому государству, которые прониклись бы сознаніемъ долга проводить въ жизнь высокія начала правды и благожеланія, исповѣдуемая на словахъ.

Мы имѣемъ предъ собою безспорно сильнаго противника, сила убѣжденій котораго утверждается на свидѣтельствахъ самой всемірной исторіи. Мы уже упоминали объ этихъ свидѣтельствахъ. Исторія говоритъ, что еще никогда въ международныхъ отношеніяхъ не находили реального воплощенія истинно-нравственныя начала жизни, а что, напротивъ, путь лжи и преступленія скоро и вѣрно велъ государство къ возвышенію, и что въ государственной жизни господствовалъ во всѣ времена принципъ: каждый имѣетъ настолько права, насколько силенъ. Не должны ли мы преклониться предъ этимъ свидѣтельствомъ, не должны ли признать христіанскую проповѣдь неприложимой къ международной жизни, а свои попытки защищать возможность при-

ложенія къ международнымъ отношеніямъ нравственной оцѣнки несостоятельными?

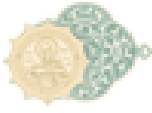
Мы уже ранѣе согласились и не отказываемся нисколько отъ высказаннаго убѣжденія, что дѣйствительно исторія свидѣтельствуетъ о томъ, какъ нерѣдко самыми нечистыми съ нравственной точки зрѣнія средствами достигались блестящіе результаты въ смыслѣ расширенія границъ и возвышенія могущества многихъ и многихъ государствъ. И однако теперь мы утверждаемъ, что въ этихъ же самыхъ свидѣтельствахъ исторіи мы находимъ нѣчто такое, что не позволяетъ намъ придавать имъ рѣшающаго значенія. Мы позволяемъ себѣ предложить только одинъ дополнительный вопросъ: были ли эти результаты эгоистической политики настолько же прочны, насколько они были блестящи, и самое благо государства, понимаемое въ такомъ узкомъ матеріальномъ даже смыслѣ, можетъ ли, на основаніи этихъ историческихъ свидѣтельствъ, быть признано тою безконечно высокою цѣлью жизни, въ жертву которой надо было приносить самое достоинство человѣческой личности и всѣ нравственные устои человѣческихъ отношеній?

Древній грекъ или римлянинъ, вообще народъ до-христіанской древности, еще легко могъ такъ думать. Историческія преданія, которыми жило древнее человѣчество, были такъ спутаны и такъ всецѣло переплетались съ жизнью одного какого-либо опредѣленнаго народа, что послѣдній легко могъ впасть въ извинительную для него иллюзію и считать себя центромъ всей исторической жизни: свое благо считать благомъ всего человѣчества; свою славу—славой своего божества; служеніе своему государству—служеніемъ этому божеству и человѣчеству. Но нѣсколько тысячелѣтій не прошли безслѣдно для исторіи, и послѣдняя, на ряду съ отмѣченными свидѣтельствами о путяхъ возвышенія государствъ, обогатилась новымъ и очень цѣннымъ свидѣтельствомъ.

Исторія говоритъ, именно, что блестящія эпохи государственной жизни были непродолжительны, а могущество государствъ—непрочно; исторія говоритъ, что концомъ силы величайшихъ государствъ было ихъ полное безсиліе, и слава блѣднѣла предъ послѣдующимъ ничтожествомъ. Картины исторіи въ этомъ случаѣ не менѣе интересны и поучительны, чѣмъ картины возвышенія государствъ. Царство возстаетъ на царство и народъ на народъ; одни царства и одинъ народъ возвышаются, а другіе падаютъ. Гдѣ теперь тѣ величественныя и могущественнѣйшія имперіи древности, которыя не безъ основанія претендовали на всемірное могущество? Развалины ихъ столицъ говорятъ о призрачности былого величія, тѣхъ надеждъ и усилій, съ какими нѣкогда создавались эти государства; а водвореніе новыхъ народовъ и новыхъ государствъ на мѣстѣ прежнихъ учитъ эти новые народы и царства не забывать о концѣ ихъ предшественниковъ. Такъ исторія со всею выразительностью свидѣтельствуетъ, что и для государства, какъ и для каждого отдѣльнаго лица, должна быть какая-то высшая цѣль, чѣмъ стремленіе только къ собственному благу; долженъ быть какой-то вѣчный и универсальный идеалъ, предъ лицомъ котораго должна протекать жизнь цѣлыхъ народовъ. Отчего мы въ каждомъ отдѣльномъ человѣкѣ такъ безповоротно осуждаемъ стремленіе всѣми силами создать свое личное счастье? Отчего мы называемъ эту цѣль недостойной человѣка? Отчего эгоизмъ мы признаемъ явленіемъ низкимъ, а служеніе общему благу высокимъ, не смотря на то, что во множествѣ этическихъ системъ эгоизмъ признается явленіемъ первоначальнымъ и нормальнымъ? Мы думаемъ, что не ошибемся, если отвѣтимъ, что рѣшающимъ основаніемъ для такой оцѣнки является то, что идеалъ личнаго счастья не можетъ удовлетворить человѣка, что безчисленныя препятствія на пути къ достиженію этого счастья, неимоверныя усилія и жертвы, приносимыя въ борьбѣ съ этими препят-

ствіями, всегда оканчиваются печально для человека: смерть полагаетъ предѣлъ всякой силѣ и могуществу, предѣ ея лицомъ оказываются безсильными всякое знаніе, всякая слава и могущество. Современная научная этика припила въ общемъ къ согласному признанію, что цѣлью человеческой жизни является не личное счастье, понимаемое въ смыслѣ возможно познанаго обладанія благами міра и личнаго здоровья, но служеніе общему благу; что истинная полнота и благо жизни не въ обладаніи и приобрѣтеніи, а также не въ силѣ и могуществѣ, но въ чемъ-то иномъ, въ чемъ-то высшемъ и непреходящемъ. Это потому, что одни желанія смѣняются другими, удовлетворенное стремленіе не удовлетвореннымъ, и какъ бы ни была благополучна жизнь человека въ постоянномъ удовлетвореніи своихъ личныхъ желаній и своего стремленія къ счастью, онъ не найдетъ въ этомъ исканіи мира и покоя души, каждая сила рано или поздно станетъ безсильемъ, а мечты останутся не сбывшимися. Можно-ли стремиться къ единственной цѣли и жить только одною надеждою, когда знаешь, что цѣль не можетъ быть достигнута, и надежда неминуемо окажется обманутой? Казалось, что государство выше въ этомъ случаѣ, что предѣлимъ не только ничтожны отдѣльныя жизни, но и самая идея добра, лежащая будто-бы на пути къ достиженію этого высшего блага — блага государства. Но жаль, исторіи такъ-нымъ образомъ занимается описаніемъ былого величія народовъ и царствъ и оказывается, что повѣствованія исторіи являются не инымъ чѣмъ, какъ красивыми и величественными памятниками на могилахъ народовъ и государствъ. Итакъ, повторяемъ, какъ въ личной жизни мы признаемъ необходимость существованія высшей цѣли жизни сравнительно со служеніемъ личному благу, такъ точно и благо государства, понимаемое въ смыслѣ служенія государственному эгоизму, оказывается недостаточно высокою цѣлью его существованія. *Итакъ, государство долговѣщѣе индивиду-*

ума; нашему взору доступна только незначительная часть государственной жизни и мы легко готовы считать ее непреходящей. Но исторія говоритъ, что это такая же иллюзія, какъ та, что каждый человѣкъ въ глубинѣ души готовъ считать себя безсмертнымъ въ условіяхъ своего настоящаго существованія, и нѣтъ мучительнѣе разлада, какъ борьба жизни и смерти въ живомъ организмѣ. Для насъ достаточно, однако, урока исторіи, чтобы не считать благо своего государства единственною цѣлью его существованія и нашей дѣятельности въ служеніи его интересамъ.

Такимъ образомъ, исторія въ своихъ свидѣтельствахъ не только не говоритъ въ пользу возможности благомъ отечества, какъ верховною цѣлью его жизни, оправдать всѣ пути достиженія этого блага, но, напротивъ, вовсе развѣнчиваетъ этотъ эгоистическій идеалъ государственной жизни и обезцѣнчиваетъ всѣ попытки его достиженія въ прошломъ. Если, поэтому, исходя изъ свидѣтельствъ исторіи, утверждаютъ, что путь честной политики несостоятеленъ, а единственно надежнымъ путемъ является путь лжи и насилія, то, конечно, не иначе, какъ на основаніи вѣры въ то, что коварство и лживость дипломатіи спасетъ современное государство отъ той участи окончательной гибели, какой до настоящаго времени подвергались всѣ извѣстныя государства. Въ этомъ случаѣ отрицаніе возможности возмощенія истинно нравственнаго начала въ международныхъ отношеніяхъ отчасти совпадаетъ и съ христіанскими воззрѣніями на предметъ. Христіанство также живетъ надеждою, что господство грубой силы и эгоистическаго расчета во взаимныхъ отношеніяхъ государствъ уступитъ мѣсто торжеству правды и добра. И антиномизмъ и христіанство живутъ, такимъ образомъ, надеждою на лучшее будущее. Весь вопросъ въ томъ, чья надежда имѣетъ болѣе основаній для увѣренности въ возможности ея осуществленія и чья является призрачною, заслуживающей ироническій улыбки.

Если вѣрить, что судьбами міра управляетъ Богъ и что вложенный Богомъ въ сердце челоуѣка нравственный законъ имѣетъ универсальное значеніе, то, конечно, не можетъ быть и тѣни колебанія при отвѣтѣ на вопросъ: вѣра христіанская не можетъ допустить сомнѣнія въ томъ, что добро побѣдитъ и что Богъ рано или поздно оправдаетъ свои дѣла. Но мы говоримъ въ данномъ случаѣ съ невѣрующими въ Бога, какъ Премудрого Міроуправителя, а признающими рѣшающее значеніе только за фактомъ, т. е., въ данномъ случаѣ, за свидѣтельствами исторіи. Чтобы быть понятными и убѣдительными для своихъ противниковъ, мы должны сами стать на ихъ точку зрѣнія и говорить понятнымъ для нихъ языкомъ—свидѣтельствами историческихъ фактовъ.

И мы утверждаемъ, что христіанская вѣра и надежда въ этомъ случаѣ и съ этой точки зрѣнія покоятся на несравненно болѣе твердомъ основаніи, чѣмъ вѣра языческой, хотя бы и современной дипломатіи. Послѣдняя живетъ розовыми надеждами на будущее, не имѣя твердой опоры въ прошедшей исторіи челоуѣчества; христіанское богословіе, напротивъ, надѣется на будущее торжество добра, не только исходя изъ своей вѣры въ Бога Живаго, Сильнаго и Вѣчнаго, но утверждаясь также на свидѣтельствахъ самой исторіи.

Первое положеніе мы уже пояснили, когда сказали и показали, что антиномизмъ какъ силу свою, такъ и свой приговоръ имѣетъ въ прошедшемъ: всѣ государства насиліемъ возвышались и отъ насилія погибали. Не трудно теперь намъ утвердить и второе существенно важное для насъ положеніе объ исторической силѣ и могуществѣ нравственнаго закона общественной жизни.

Христіанство принесло въ міръ новое ученіе объ абсолютной цѣнности духовно-нравственнаго міра; оно со своею проповѣдью любви, со своимъ призывомъ къ самоотреченію

и безкорыстному служенію ближнему не только вступило въ борьбу съ ложью и насиліемъ безъ физической силы и зла въ рукахъ, но и побѣдило своею проповѣдью міръ зла и насилія.

Вспомнимъ первые дни христіанства, и въ эти дни встрѣтимъ какъ высшее развитіе политико-антипомистическихъ тенденцій, такъ и высшее торжество нравственного начала. Римъ, ко времени явленія въ міръ христіанства, былъ наилучшимъ въ міровой исторіи представителемъ языческаго культа государственности съ полнымъ презрѣніемъ къ нравственнымъ началамъ, и результатомъ такого направленія жизни было дѣйствительно небывалое до тѣхъ поръ величіе и могущество Римской имперіи. И вотъ съ нимъ вступаетъ въ борьбу христіанство. Въмѣсто идеи насилія, лжи, подавленія и уничтоженія слабаго, оно проповѣдуетъ непротивленіе зломъ злу, смиреніе, милосердіе и любовь.

Казадось бы съ точки зрѣнія господства силы въ исторіи не могло быть и рѣчи о борьбѣ двухъ, столь неравныхъ, противниковъ. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть рѣзче противоположности между Младенцемъ въ ясляхъ, Сыномъ древодѣла, какъ Его называли, бѣднымъ Учителемъ и, наконецъ, распятымъ на крестѣ съ разбойниками, всѣми почти оставленнымъ,—что можетъ быть противоположиѣе, какъ положеніе римскихъ императоровъ—боговъ въ ихъ великолѣпныхъ дворцахъ? „Тамъ—высшая степень богатства, величія и власти, какая только когда-либо существовала на землѣ; здѣсь—высшая степень бѣдности, уничиженія и безсилія, какую только можно себѣ представить. Въ то же самое время, какъ Владыка міра, Тиверій на Капреѣ необузданно предается своимъ страстямъ, не зная имъ предѣла,—вдали отъ Рима на лобномъ мѣстѣ, на крестѣ, умираетъ совершеннѣйшій изъ людей смертностью преступника. Но проходитъ нѣсколько столѣтій, и что же мы видимъ?

Отъ всемірнаго государства Римлянъ остались однѣ развалины: императорская корона упала съ головы римскихъ вѣнценосцевъ, ихъ скипетръ сокрушенъ, всѣ могущественные повелители исчезли,—и земля не сохранила даже ихъ праха. Въмѣсто всего этого основано другое царство, большее и могущественнѣйшее, другое имя повторяется въ устахъ и живетъ въ сердцахъ всѣхъ; это царство растетъ съ каждымъ столѣтіемъ, имя это благословляется изъ рода въ родъ“¹⁾.

Такимъ образомъ проповѣдь о распятомъ и крови мучениковъ побѣдили всю силу древняго Рима, стремившагося пытками и насиліемъ сокрушить христіанство, нравственная сила побѣдила физическую, юродство Евангелія—языческую мудрость. И не только въ первые дни своей жизни, но и во все послѣдующее время, исторія христіанства дастъ множество доказательствъ величія и дѣйственности проповѣди добра. Вся исторія христіанства представляетъ собою побѣдное шествіе, и теперь для насъ не представляется уже столь отдаленнымъ время, когда Евангеліе Царствія будетъ проповѣдано всей твари.

Этотъ внѣшній успѣхъ христіанства безспорно не единственный; на ряду съ внѣшнею миссіею непрерывно дѣйствовала и внутренняя. Если мы прежде всего остановили вниманіе на внѣшней сторонѣ успѣха христіанской проповѣди, то это для того, чтобы имѣть право съ несомнѣнными фактами въ рукахъ утверждать, что возвышенныя христіанскія идеи не должны казаться бесплодной мечтой и что христіанинъ можетъ не стыдиться словъ Христовыхъ даже предъ людьми, отрицающими христіанство, какъ силу Божественную, и громко исповѣдывать свою вѣру въ воз-

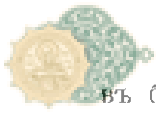
¹⁾ Геттингеръ. „Апология христіанства“. Т. II, стр. 240

мѣжность наступленія тѣхъ дней, когда положеніе „сила даетъ право“ замѣнится противоположнымъ ему: „право даетъ силу“. Мы еще раньше согласились, что подобнаго господства нравственнаго начала въ жизни и отношеній людей еще нѣтъ, и что требовать проведенія въ область международныхъ отношеній началъ правды и благожеланія значитъ требовать очень многого, а все великое осуществляется нѣрѣдко многолѣтними усиліями всего человѣчества. Но отъ величія дѣла и отъ трудности его осуществленія безконечно еще далеко до отрицанія возможности такого осуществленія. Залогъ такой возможности въ томъ, что нравственныя нормы отношеній лежатъ не внѣ челоуѣка, не въ области какого то чужого міра, откуда исходятъ въ качествѣ повелѣній вѣншнаго авторитета, но нравственный идеаль живетъ и въ груди самого челоуѣчества. Въ этомъ, говоримъ, залогъ возможности постепеннаго воплощенія въ жизни нравственныхъ требованій совѣсти и Божьяго закона, и доказательство этому мы находимъ въ той же исторіи христіанства, которая свидѣтельствуегъ, какъ предъ лицомъ свѣта откровенной истины и совѣсти исчезалъ мракъ челоуѣческихъ предразсудковъ и злобы. Безспорно, христіанство не есть революціонная проповѣдь, оно не призываетъ къ ниспроверженію силою какого бы то ни было, хотя бы и безнравственнаго строя жизни; но однако въ христіанствѣ именно основа глубочайшей реформирующей жизни силы.

Для нагляднаго подтвержденія этой мысли достаточно вспомнить исторію отношенія христіанства къ рабству. Христіанство упразднило его сначала внутренне, а затѣмъ эта утопія для современниковъ апостола Павла сдѣлалась реальною дѣйствительностью. Это же самое надо сказать и относительно множества другихъ явленій жизни челоуѣчества, которые постепенно преобразовались предъ лицомъ и подъ вліяніемъ христіанства.

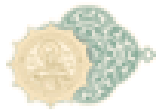
Нѣтъ, конечно, сомнѣнія, что это преобразующее вліяніе христіанства далеко еще не коснулось глубины человѣческихъ отношеній; и теперь еще въ этихъ отношеніяхъ много чуждаго христіанскому духу, по существу языческаго. Къ числу этого рода явленій относится и убѣжденіе, что въ области международныхъ отношеній нельзя обойтись безъ лжи, насилія и убійствъ. Что сразу это дѣйствительно невозможно, конечно, и сомнѣнію не подлежитъ, какъ несомнѣнно, напримѣръ, то, что древній міръ не могъ сразу отказаться отъ ученія о рабствѣ извѣстной части людей. Но въ области нравственной жизни въ этомъ еще нѣтъ ничего удивительнаго и устрашающаго. Нравственная жизнь человѣка и человѣчества протекаетъ предъ лицомъ идеала; чѣмъ выше идеалъ, тѣмъ больше можетъ быть и разстояніе между этимъ идеаломъ и наличною дѣйствительностью и тѣмъ больше времени требуется для того, чтобы это разстояніе уменьшилось, и жизнь приблизилась къ истинному своему идеалу. Но что же можетъ отсюда слѣдовать? Слѣдуетъ ли, что изъ высоты идеала вытекаетъ его неисполнимость и законность освященія явленій, противныхъ нравственнымъ идеаламъ? Можно ли христіанину, напримѣръ, сказать, что жизнь міра—одно, а ученіе Христа—другое? Утверждать, что христіанскій нравственный идеалъ, какъ безконечно высокій, неприложимъ къ жизни, значитъ утверждать и противное вѣрѣ во Христа, какъ Учителя человѣчества, и противное свидѣтельству самой исторіи. Безспорно, не можетъ быть всецѣлаго совпаденія идеала и дѣйствительности, и это несовпаденіе служить необходимымъ условіемъ самой возможности развитія нравственной жизни человѣка. Если бы послѣдній достигъ во всей полнотѣ идеала своей жизни—истиннаго Богоподобія,—то этимъ самымъ закончилась бы и его жизнь: ему не оставалось бы что дѣлать и для чего жить. Совершенствованіе, поѣтому, должно всегда простираться

въ безконечность, насколько безконеченъ Богъ, по образу Котораго сотворенъ человѣкъ. Въ этомъ смыслѣ христіанскій идеалъ есть нѣчто дѣйствительно никогда недостижимое въ условіяхъ современной дѣйствительности во всей полнотѣ, и въ этомъ его существенное отличіе отъ человѣческихъ созданій и плановъ жизни. Эти своего рода идеалы жизни болѣе соответствуютъ наличной дѣйствительности, въ нихъ болѣе гарантирована возможность полнаго ихъ достиженія, но за то и судьба ихъ иная: они отживаютъ свой вѣкъ. Много изъ того, что казалось идеаломъ величайшему язычнику Платону, это самое кажется уже теперь не только не идеальнымъ, но и положительно не соответствующимъ человѣческому достоинству. Но опять повторяемъ, изъ безконечной высоты идеала никакъ не слѣдуетъ того, чтобы низводить этотъ идеалъ до уровня наличной жизни, но, напротивъ, возвышать жизнь предъ лицомъ идеала. Далекая звѣзда указываетъ путь мореплавателямъ всѣхъ временъ. Уклоненіе съ настоящаго пути всегда отражается тяжело, требуя лишняго труда и времени для возвращенія на истинный путь. Но было бы напраснымъ самообманомъ пытаться замѣнить истинную звѣзду другою, неравною ей; минутное успокоеніе дорого стоило бы, такъ какъ путь все болѣе и болѣе уклонялся отъ истиннаго, и возвращеніе на послѣдній становилось бы все труднѣе. Подобное видимъ мы и въ отношеніи современной дѣйствительности къ евангельскому идеалу. Какъ солнце Истины и Правды свѣтитъ міру Евангелія, указывая единый путь жизни въ лицѣ Христа Спасителя. Тьма, покрывающая нашу жизнь, ясно свидѣтельствуетъ, что она идетъ по ложному пути. Что же дѣлать въ виду этого? Говорить ли, что такъ какъ солнце высоко, то и лучи его насъ не достигаютъ? Но такъ сказать, значить отрицать жизненное значеніе за ученіемъ Христа Спасителя и видѣть въ немъ не истиннаго Сына Человѣческаго, но

чуждаго міру Учителя. Совѣсть вѣрующаго и свидѣтельство исторіи опять таки отвергаютъ всецѣло эту мысль. Совѣсть говоритъ, что заповѣди Христа тяжки не суть, что крестъ Христовъ—это не то бремя, какое возлагали на вѣрующихъ книжники и фарисеи всѣхъ временъ и котораго не могли понести люди; общій опытъ подвижнической жизни утверждаетъ, что чѣмъ дальше и самоотверженіе совершалось несеніе креста Христова, чѣмъ сильнѣе проникалась жизнь истинно христіанскими началами, тѣмъ легче было это несеніе креста Христова, тѣмъ радостнѣе была всецѣлая преданность сердца Богу. Свидѣтельство исторіи также утверждаетъ, что начала Евангельской проповѣди не только находили достаточно полное выраженіе въ земной жизни отдѣльных христіанскихъ душъ, но что эти начала во многомъ проникаютъ и постепенно преобразуютъ жизнь цѣлыхъ человѣческихъ обществъ. Если, поэтому, мы не видимъ этого небеснаго свѣта во всей его красѣ, если не чувствуемъ его животворящаго тепла, то не потому, что свѣтъ этотъ высоко надъ нами, но потому, что наша жизнь удалена отъ этого свѣта, идетъ не впередъ къ нему, но или стоитъ неподвижно, или идетъ назадъ отъ свѣта, или въ лучшемъ случаѣ приближается къ нему окольными путями съ постоянными отклоненіями отъ прямого направленія.

Предъ лицомъ такого несогласія жизни и ея идеала ясна задача христіанской этики. Она не должна пытаться сгладить сознаніе этого разлада жизни и идеала, но, напротивъ, будить это сознаніе съ цѣлью направлять жизнь по пути внутренняго преобразованія и просвѣщенія ея свѣтомъ вѣчной истины. Недостойно христіанской этики и христіанскаго богослова нить наряды изъ лазури безконечнаго небосвода для человѣческихъ идоловъ, но, напротивъ, стремиться разрушать эти идолы въ сердцахъ людей, охраняя чистое небесное ученіе отъ мірскихъ заблужденій и предразсудковъ.

Мы окончили. Особо говорить о приложимости нравственной оцѣнки и къ событіямъ внутренней жизни, такъ называемой внутренней политикѣ мы не будемъ, такъ какъ рѣшительно ничего нельзя добавить въ защиту ея возможной безнравственности, сравнительно съ тѣмъ, что говорится въ защиту этого принципа въ международныхъ отношеніяхъ. Все то же понятіе народнаго блага такъ же лицемѣрно и бездоказательно выдвигается здѣсь для защиты преступленій и насилій; все такъ же этимъ многозначущимъ словомъ прикрывается личная жажда власти и корыстолюбія; все такъ же ради достиженія этого блага признаютъ возможнымъ въ одномъ и томъ же лицѣ совмѣстить безнравственнаго человѣка и великаго историческаго дѣятеля. Все, что было сказано нами о приложимости абсолютной нравственной оцѣнки къ вѣншней политикѣ, всецѣло относится и къ вопросу объ ея примѣненіи въ области внутренней жизни государства. Мы могли бы теперь только представить попытку оцѣнить событія современной русской жизни съ универсальной христіанской нравственной точки зрѣнія, но не рѣшаемся ставить рядомъ уясненіе истинно нравственнаго абсолютнаго начала жизни со слабыми личными попытками приложить это абсолютное начало къ современной дѣйствительности. Сдѣлать такую попытку, безъ сомнѣнія, можетъ каждый, руководясь голосомъ своей совѣсти и въ мѣру знанія жизни. И этотъ голосъ совѣсти, эта, повидимому утопическая оцѣнка событій окажется, при искренности ея, не однимъ только теоретическимъ размышленіемъ о судьбахъ своего народа и отечества, но явится залогомъ глубочайшей убѣжденности и истинно патріотическаго воодушевленія, которымъ, при сознательномъ служеніи началу добра и правды, не будутъ страшны ни жертвы самоотверженнаго подвига, ни самая смерть, и которыхъ безсильны будутъ смутить самыя тяжкія неудачи и несчастія. Этотъ же голосъ совѣсти, какъ отдѣльнаго гражданина, такъ и цѣлаго народа, не позволяетъ съ живог-

нымъ безразличіемъ наслаждаться плодами успѣшной политики, основанной на подавленіи и угнетеніи слабого, а въ случаѣ наступленія години испытаній и бѣдствій въ народной жизни, одинъ только не допуститъ окончательно упасть духомъ, но потребуетъ отчета въ совершающемся и пробудитъ силы народныя призывомъ къ покаянію и самоисправленію.

Близится время, когда въ вопросахъ внѣшней и внутренней политики будетъ выслушиваемъ голосъ русскаго народа, и пусть этотъ народный голосъ будетъ истинно Божиимъ—голосомъ народной совѣсти.

В. Экземлярскій.